

УДК 903.2

Н.Б. Крыласова

Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Пушкина, 44, оф.1, Пермь ГСП, 614990, Россия
E-mail: belavin@pspu.ac.ru

ЗООМОРФНЫЕ РОГОВЫЕ ГРЕБНИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Введение

В процессе систематизации костяных гребней со средневековых памятников Пермского Предуралья выявилась необходимость более детального анализа группы этих изделий со спинкой, украшенной резными фигурами животных. Л.А. Голубева отнесла их к характерным этническим украшениям финно-угорского населения Среднего Поволжья и отчасти Прикамья [1979, с. 60]. По мнению О.А. Кондратьевой, ареал данных гребней тянется широкой полосой от Прикамья до р. Великой, не заходя на севере за южный берег Ладожского озера [1981]. Однако исследователи не указали ни место возникновения этой группы гребней, ни пути распространения. Типология, предложенная в свое время Л.А. Голубевой, в связи с расширением источниковой базы требует уточнения.

Классификация зооморфных гребней

На сегодняшний день удалось собрать сведения о 105 зооморфных гребнях. По общепринятой классификации, это цельные односторонние гребни с высокой спинкой. Все они изготовлены из плоской роговой пластины, верхний конец которой орнаментирован, вытянуты по вертикали, прямоугольной или трапециевидной формы [Голубева, 1979, с. 58]. Каждый гребень имеет свои отличительные черты, что свидетельствует об отсутствии серийного ремесленного производства этих украшений.

Гребни данной группы классифицированы по особенностям оформления резной фигурной части спинки (полное или частичное изображение животных, их по-

ложение относительно друг друга, большая или меньшая степень стилизации и пр.); характер дополнительной орнаментации служил основанием для выделения подтипов. В целом данная классификация, по возможности, соотносилась с предложенной Л.А. Голубевой.

Подгруппа 1 (по классификации Л.А. Голубевой тип 1 и группа гребней с изображением медведей) – спинка гребня оформлена в виде пары резных фигурок животных в рост, обращенных друг к другу (13 экз., рис. 1).

Tun 1 – фигурки опираются на треугольное основание, с помощью прорезей отчетливо оформлены ноги и хвост (7 экз., рис. 1, 1–7). Представлен в материалах городища Иднакар [Иванова, 1998, рис. 69, 10], погр. 6, 8, 26 Плесинского могильника (раскопки В.А. Оборина, КПОКМ), Саломатовского городища (раскопки А.М. Белавина), Старой Ладоги [Кондратьева, 1981, рис. 1, 8], Владимирских курганов [Голубева, 1979, табл. 25, 15].

Tun 2 – фигурки размещены на горизонтальном основании, ноги изображены слитно (6 экз., рис. 1, 8–12). Такие гребни найдены в Марийском Поволжье [Лазарева, 2003, рис. 1], на поселениях Крутик [Голубева, 1979, табл. 25, 7, 8; Финно-угры и балты..., 1987, табл. XIX, 5] и Тимеревском [Седых, Макарова, 2001, рис. 1, 5], в погр. 6 Редикарского могильника (раскопки В.А. Оборина, ЧКМ), Новогрудке [Голубева, 1979, с. 58, 60].

В большинстве случаев на гребнях данной подгруппы, несомненно, представлены кони, на изделии из погр. 26 Плесинского могильника даже обозначены седло и подпружные ремни, но иногда изображения настолько стилизованы, что трудно определить их вид. Массивные фигуры с выгнутой горбом спиной (гребень из Владимирских курганов) Л.А. Голубева

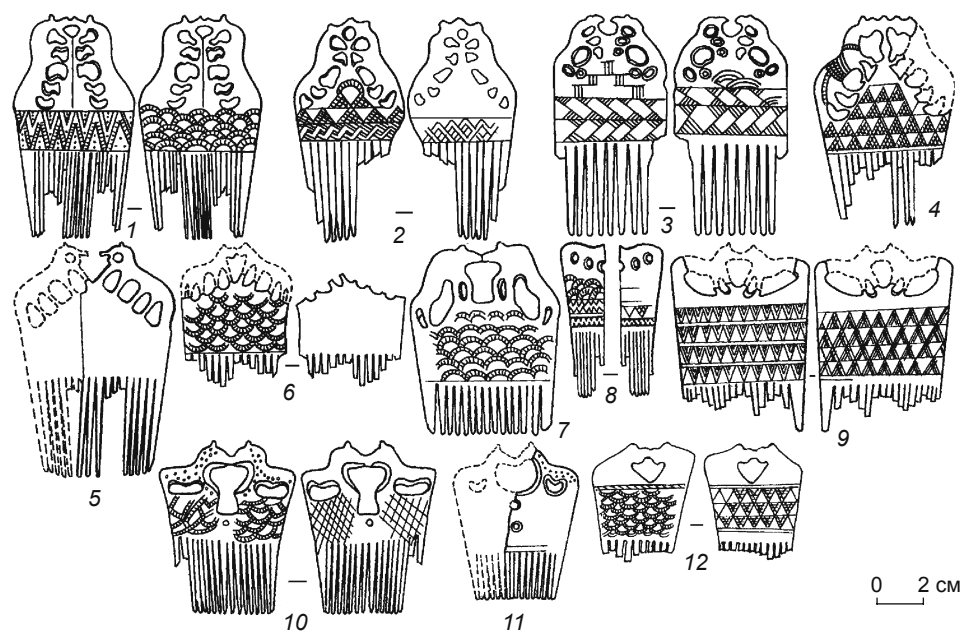

Рис. 1. Подгруппа 1.

1 – Иднакар; 2 – Старая Ладога; 3 – Саломатовское городище; 4–6 – Плесинский могильник: 4 – погр. 26, 5 – погр. 6, 6 – погр. 8; 7 – Владимирские курганы; 8 – Марийское Поволжье; 9 – Тимеревское поселение; 10–11 – поселение Крутик; 12 – погр. 6 Редикарского могильника.

идентифицировала с медведем. Звери, изображенные на старолadoжском гребне, также вошли в литературу как “борющиеся медведи” [Давидан, 1962, с. 101]. О.А. Кондратьева считает, что длинные ноги, горб на спине – черты, характерные для лося, и только отсутствие рогов не позволяет утверждать, что изображены именно эти животные. Несмотря на индивидуальные отличия, гребни подгруппы 1 имеют относительно стандартную орнаментацию между фигурной рукоятью и зубьями с одной или обеих сторон: орнаментальное поле сплошь покрыто чешуйчатым узором или косой решеткой – простой, из чередующихся заштрихованных и незаштрихованных треугольников, или из “флажков”. В ряде случаев на одной стороне помещен чешуйчатый орнамент, на другой – решетка. На саломатовском и старолadoжском гребнях над решеткой расположены отдельные дуги чешуйчатого орнамента.

Вероятно, в древности взаиморасположению парных фигур придавалось определенное значение. Этот вопрос пока не решен, но можно предположить, что направление фигур по отношению друг к другу являлось знаком половой дифференциации. Например, для шумящих биконьковых подвесок, являвшихся исключительно женским украшением, характерно изображение голов животных, направленных в противоположные стороны, а на биметаллических кресалах, принадлежавших преимущественно мужчинам, животные изображены обращенными друг к другу. В составе средневековых мужских погребальных комплексов Пермского Пред-

уралья гребни встречены только 3 раза [Крыласова, 2001, с. 93]. Два изделия относятся к подгруппе 1: одно происходит из погребения мальчика-подростка (погр. 6 Плесинского могильника) (см.: **Оборин В.А.** Отчет о работах археологической экспедиции Коми-пермяцкого окружного краеведческого музея им. Субботина-Пермяка в сентябре и октябре 1960 г. (рукопись). – Архив ИА РАН, Р1/2091, с. 21–22; [Крыласова, 2001, с. 200, рис. 130]), другое – из богатого погребения воина-дружинника (погр. 26 Плесинского могильника) (см.: **Оборин В.А.** Отчет о работе археологической экспедиции ПГУ и Коми-пермяцкого окружного краеведческого музея в июле 1961 г. (рукопись). – Архив ИА РАН, Р1/2280, с. 27; [Крыласова, 2001, с. 187–188, рис. 113]). Использование гребней мужчинами-воинами фиксируется и в западных культурах. По мнению О.А. Кондратьевой, гребни, которые наряду с оружием и украшениями входили в состав инвентаря богатых захоронений дружинников, являлись престижными предметами [1999, с. 86].

Особенность гребней подгруппы 1 – отсутствие специального отверстия для привешивания. Шнур закреплялся на перемычке между мордами фигурок животных, о чем свидетельствует ее потертость на некоторых экземплярах. Исключение составляет гребень из погр. 26 Плесинского могильника, у которого между мордами изображенных коней и основной гребень расположен ромбовидный столбик. Такие же ромбы разделяют фигуры коней на бронзовых гре-

бешках-амулетах, распространенных в Финляндии, Латвии, Псковской обл. [Голубева, 1979, с. 59].

Гребни подгруппы 1 датируются второй половиной IX – X в.

Подгруппа 2 – рукоять оформлена в виде двух направленных в противоположные стороны голов коней, между которыми находится отверстие для пришивания.

Тип 1 – относительно реалистичные изображения конских голов на длинных шеях не соединены мордой с основой гребня (4 экз., рис. 2). Два изделия орнаментированы кривой решеткой. Такие гребни найдены в погр. 17 Важгортского могильника (раскопки И.В. Бочарова, ЛАИ ПГПУ), на Вщижском городище [Кондратьева, 1981, с. 104, рис. 1, 4], поселении Дураковское III [Судаков, Буланкин, 2005, рис. 5, 1], селище Кустерь [Финно-угры и балты..., 1987, табл. XXX, 11]).

Гребни данного типа датируются концом VIII – IX в.

Тип 2 (по классификации Л.А. Голубевой вариант 1) – довольно реалистичные изображения наклоненных вниз голов коней соединены мордами с основанием гребня; две большие овальные или бобовидные прорезы подчеркивают характерные черты морды лошади (8 экз., рис. 3). По форме гребней выделяются два подтипа: 1) прямоугольные, орнаментированные зигзагом, решеткой, “циркульными” кружками, резными линиями; 2) трапециевидные без орнамента. Данный тип представлен в материалах погр. 6 Каневского и погр. 20 Урьинского могильников (раскопки В.Ф. Генинга, КПОКМ), памятников Луковцы [Голубева, 1979, с. 58, рис. 25, 11], Гурьякар, Восьякар, Иднакар [Первухин, 1896, табл. V, 21; Иванова, 1974, табл. 11, 8; 1982, рис. 8, 12; 1998, рис. 69, 7], Сарского городища [Голубева, 1979, табл. 24, 7], Подболотьевского могильника [Кондратьева, 1981, с. 104, рис. 1, 5].

Такие гребни датируются IX – X вв.

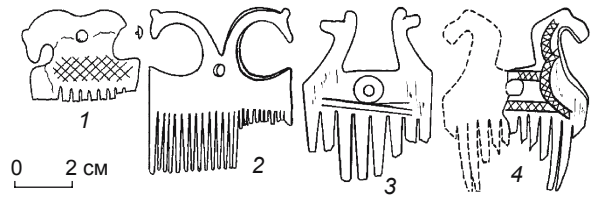

Рис. 2. Подгруппа 2, тип 1.

1 – погр. 17 Важгортского могильника; 2 – Вщижское городище; 3 – поселение Дураковское III; 4 – селище Кустерь.

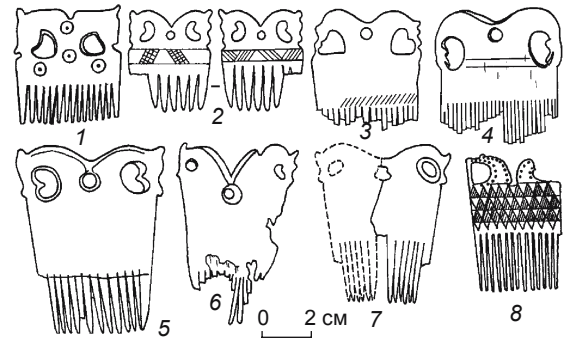

Рис. 3. Подгруппа 2, тип 2.

1 – Луковцы; 2 – погр. 20 Урьинского могильника; 3 – погр. 6 Каневского могильника; 4 – Гурьякар; 5 – Иднакар; 6 – Подболотьевский могильник; 7 – быв. Глазовский уезд (ныне Удмуртия); 8 – Сарское городище.

Тип 3 – относительно реалистичные изображения опущенных вниз голов коней сливаются с основанием гребня мордами; под дугообразно изогнутыми шеями круглые отверстия (10 экз., рис. 4). Выделяются два подтипа: 1) с отверстиями только под шеями (7 экз., рис. 4, 1–7); 2) с дополнительной парой отверстий под мордами (3 экз., рис. 4, 8–10). Часть экземпляров не орнаментирована, некоторые образцы украшены с двух сторон, есть с тамгой. Орнамент представлен решеткой, “чешуйками”, “циркульными”

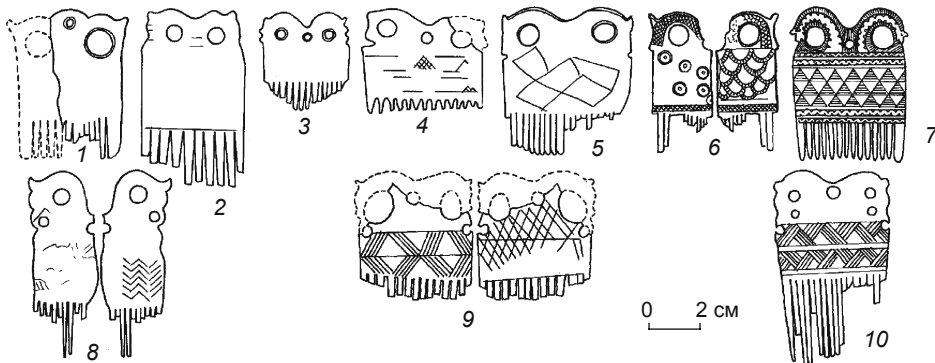

Рис. 4. Подгруппа 2, тип 3.

1 – Рождественское городище; 2 – Тарту; 3 – могильник Поломский II; 4 – Варнинский могильник; 5, 6 – Иднакар; 7 – Владимирские курганы; 8 – погр. 25 Плесинского могильника; 9 – Кудымкарское селище; 10 – погр. 20 Каневского могильника.

Рис. 5. Подгруппа 2, тип 4.

1 – Псков; 2, 19 – Старая Ладога; 3 – Тольёнский могильник; 4–7, 9–14, 18, 28–30, 32, 33, 35, 36, 41–44, 50–53, 55, 61, 62, 64 – Иднакар; 8 – Дондыкар; 15, 54 – Весьякар; 16, 23, 25, 26, 31, 34, 46–49 – Поломские могильники; 17, 21 – Мыдланьшай; 20, 40, 58, 59 – Варнинский могильник; 22, 24 – Подболотьевский могильник; 27 – быв. Глазовский уезд; 37 – погр. 428 Аверинского могильника; 38, 39 – Лаврятское городище; 45 – Дубовский могильник; 56 – Тарту; 57 – Старая Ладога; 60 – Черемисское кладбище; 63 – Лобач.

ми” кружками, двойными зигзагообразными линиями из косых насечек, сгруппированных по четыре-пять, вертикальной елочкой. Такие гребни найдены на Рождественском городище (раскопки А.М. Белавина, ЛАИ ПГПУ), в Тарту [Tvauri, 2001, pilt 63, 14], в погребениях могильников Поломский II [Иванов, 1998, рис. 27, 4] и Варнинский [Семенов, 1980, табл. III, 23], на городище Иднакар [Иванова, 1998, рис. 70, 4, 11], во Владимирских курганах [Голубева, 1979, табл. 25, 5], погр. 25 Плесинского могильника, на Кудымкарском селище (раскопки В.А. Оборина, КПОКМ), в погр. 20 Каневского могильника (раскопки В.Ф. Генинга, КПОКМ).

Гребни типа 3 датируются X – началом XI в.

Тип 4 (по классификации Л.А. Голубевой варианты 3–5) – изображение конских голов сильно стилизовано, плавной линией верхней части гребня переданы изгибы шей, выделены уши, небольшими выступами или просто насечками на боковых гранях обозначена нижняя часть морды; у некоторых экземпляров головы коней совсем не проработаны. Данный тип наиболее массовый (70 экз., рис. 5). Выделяются шесть подтипов, различающихся по особенностям оформления: 1) с прочерченными изображениями животных в рост (1 экз., рис. 5, 1); 2) неорнаментированные, у которых лишь вдоль зубцов прочерчена линия, служившая меткой при их пропилировании, на отдельных экземплярах тамга (19 экз., рис. 5, 2–16); 3) с орнаментальными композициями из горизонтальных поясков (гладких, с насечками, резной волной), треугольников (гладких и заштрихованных), ромбов, зигзагов, образующих разные варианты решетки (22 экз., рис. 5, 17, 19–36, 40, 46, 47); 4) с основным орнаментом из “чешуек”, который сочетается с горизонтальными рядами заштрихованных треугольников, косых насечек; характерная особенность подтипа – орнаментальная полоса с насечками вдоль шеи коньков, вероятно, стилизованно изображающая гриву (13 экз., рис. 5, 37–39, 41–45, 48, 49); 5) с “циркульным” орнаментом в сочетании с горизонтальным зигзагом, линиями с “волной” (8 экз., рис. 5, 50–57); 6) с необозначенными головами коней (3 экз., рис. 5, 58–60). Гребни типа 4 найдены на Псковском городище [Белецкий, 1980, рис. 6, 13], в Старой Ладогe [Старая Ладога..., 2003, № 214; Кирпичников, Сарабьянов, 2003, с. 59; Петренко, 1984, рис. 2, 1], Тарту [Tvauri, 2001, pilt 63, 13], Иднакаре [Иванова, 1998, рис. 69, 1–5, 8, 9; 70, 1, 3, 5–7, 10, 12; 71, 1–5, 6–8; 72, 5, 8], Весьякаре [Иванов, 1998, рис. 27, 6], Дондыкаре, в погребениях Поломских могильников [Голубева, 1979, табл. 25, 2, 3, 13; Иванов, 1998, рис. 27, 1–3, 7–10, 13], Черемисского кладбища [Архипов, 1973, рис. 71, 13; 1984, рис. 14, 5], Аверинского [Голдина, Кананин, 1989, рис. 61, 17], Варнинского [Семенов, 1980, табл. III, 21, 22, 24, 25], Тольёнского [Семенов, 1988, рис. 6, 6] могильников, в погр. 31, 32 могильника Красная Горка близ д. Полом, погр. 43 и 145

Подболотьевского могильника [Голубева, 1979, с. 59, табл. 25, 9; Кондратьева, 1981, рис. 1, 3], на Лаврятском городище (раскопки В.А. Оборина, А.М. Белавина).

У одного экземпляра из Подболотья в боковые отверстия продеты бронзовые привески [Голубева, 1979, с. 59], что объясняет функциональное назначение таких отверстий, имеющих у значительной части гребней.

Оместном, предуральском производстве гребней типа 4 свидетельствуют заготовки (рис. 5, 61–64), найденные на городищах Иднакар [Иванова, 1998, рис. 72, 12–14] и Лобач (ККМ).

Такие гребни датируются IX–X вв.

Особенности использования гребней

Гребни – это предмет массового обихода. Сфера их практического применения довольно широка – от использования как вспомогательного инструмента при прядении и ткачестве, орнаментира при гончарном производстве до повседневного употребления в гигиенических целях (с его помощью приводили в порядок волосы и вычесывали паразитов). Учитывая, насколько трепетно финно-угры относились к волосам, можно понять, как важен был для них гребень.

Распространившиеся в средневековье гребни из рога и кости были показателями состоятельности и одновременно уровня развития косторезного ремесла [Седых, Макарова, 2001, с. 96]. Ряд признаков, фиксируемых по археологическим материалам, свидетельствует о том, что они весьма высоко ценились. Сломанный гребень обычно не выбрасывали, ремонтировали или приспособивали для иных функций [Ленц, 2004, с. 71]. Известны примеры, когда после поломки зубья аккуратно срезались и предмет использовался в качестве орнаментира (зооморфный гребень с Лаврятского городища).

Гребни с зооморфным оформлением являлись и амулетами. В Пермском Предуралье их магическая функция была преобладающей. Например, Л.А. Голубева отмечала, что в Верхнем и Марийском Поволжье такие гребни встречаются единицами, поскольку там широко распространены расчески с футлярами [Голубева, 1979, с. 60]. В Пермском Предуралье подобные расчески также далеко не редкость, но все они происходят с городищ, в то время как большинство зооморфных гребней – из погребальных комплексов. Например, гребни типа 1 и подтипа 3.2 найдены в мужских погребениях у берцовых костей слева [Оборин, 1962, с. 26; Крыласова, 2001, с. 165, рис. 88], типа 2 и подтипа 3.2 – в женских захоронениях в составе наконечников справа [Генинг, Голдина, 1970, с. 46, 52–53; Крыласова, 2001, с. 140–141, рис. 33, 36, 64]. Магическая значимость зооморфных гребней подтверждается появлением имитирующих их брон-

зовых подвесок-амулетов, а также дополнением роговых гребней бронзовыми шумящими привесками.

Семантика зооморфных гребней

Исследователи отмечают, что наиболее распространенный образ в декоре зооморфных гребней – конь. Встречаются также изображения медведей и птиц [Голубева, 1979; Кондратьева, 1981]. Вполне вероятно, что на всех гребнях данной группы изображены кони, но одни мастера с успехом передали их характерные черты, другим это удалось в меньшей степени.

Сюжет парных коней – общий славяно-финно-угорский, сохранявшийся в крестьянских металлических зооморфных гребнях, резьбе по дереву, вышивках вплоть до XIX – начала XX в. [Кондратьева, 1981, с. 107]. В основе его, вероятно, лежат идеи индоевропейской мифологии, которая, как показывают новейшие археологические и этнографические исследования, оказала значительное влияние на формирование мифологической системы уральского населения.

Истоки данного сюжета можно усматривать в индоевропейском близнецном мифе о братьях Ашвинах, главным символом которых были кони, и эта символика сохранилась в парных изображениях коней в германской, балтийской, славянской, финно-угорской и других традициях [Мифы народов мира, 1980, с. 528–529]. Она связана со сменой дня и ночи, а значит, с солнцем, с функцией спасения. Прослеживается и связь близнецов со священным Мировым деревом, следовательно, – с плодородием. Идея близнецности пронизывает индоевропейскую мифологию, начиная с исходной неразделенности неба и земли. Именно идея этой неразделенности, вероятно, отражена в орнаментации зооморфных гребней. У большинства из них основу орнаментальной композиции составляют косая решетка и чешуйчатый орнамент, причем часто наблюдается их сочетание. Косая решетка, возможно, обозначала землю [Кондратьева, 1999, с. 82]; чешуйчатый орнамент у удмуртов трактуется как изображение водной глади, волн [Арматинская, 1995, с. 91; Иванова, Куликов, 2001, с. 139–140]. В аналогичных по смысловому значению прикамских бронзовых биконьковых подвесках привески в виде лапок водоплавающих птиц были связаны с водной стихией, ее животворными свойствами [Успенская, 1967, с. 88] и со стихией небесной воды – дождя, от которого зависит плодородие полей [Голубева, 1978, с. 74]. К.И. Куликов и М.Г. Иванова полагают, что в древности гребень был священным предметом, символизировавшим небо и дождь [2001, с. 30]. Таким образом, чешуйчатый орнамент можно в какой-то степени расценивать как изображение неба, а сочетание его с решеткой – как воплощение идеи неразделенности неба и земли.

Появление в Предуралье зооморфных биконьковых украшений вполне могло быть связано с индоевропейской мифологией, поскольку его население имело давние контакты с югом Восточной Европы, откуда вместе с потоком импортных изделий проникали и отдельные религиозные идеи. М.Ф. Косарев выделяет по крайней мере шесть волн мощного культурного воздействия, двигавшихся с юга на север и существенно повлиявших на мировоззрение и исторические судьбы древнего урало-сибирского населения [2003, с. 303–304]. Пятая волна, пришедшая на ранний железный век, связана с наиболее интенсивным влиянием со стороны савромато-сармато-сакского степного мира. Именно в этот период в материальной культуре уральского и западно-сибирского населения впервые появился сюжет парных голов коней, смотрящих в противоположные стороны. Прямые аналоги средневековых предуральских изделий из кости и рога можно найти в ананьинских материалах, в частности роговые гребни с изображением конских голов [Наговицин, Иванова, 1995, с. 28, рис. 11, 12]. На основании этого А.Г. Иванов утверждает, что косторезное ремесло в Предуралье имеет местные истоки и в VIII–XIII вв., после некоторого затишья, переживает своеобразный “ренессанс” [1998, с. 87].

Мотив двух коней, обращенных друг к другу, М.Г. Иванова и К.И. Куликов считают иллюстрацией мифа о Мировом древе – два вздыбленных коня мощными копытами поддерживают Древо жизни, ось Земли. Согласно мифу, было время, когда мировое пространство представляло собой хаос, но великие боги установили миропорядок, а атланты и кариатиды постоянно его поддерживают. Иногда Мировое древо поддерживается двумя противопоставленными кентаврами, символизирующими, как и само древо, соединение неба и земли [Куликов, Иванова, 2001, с. 34–35]. По мнению А.В. Успенской, данная композиция восходит к древнейшим языческим изображениям богини со всадниками по сторонам [1967, с. 95].

“Циркульный” орнамент, использовавшийся в оформлении ряда зооморфных гребней типа 4 подгруппы 2, расценивается исследователями как солнечный знак [Там же, с. 89], а культ близнецов был связан с солнечным.

С развитием общества и религии символика коня переосмысливалась; он мог расцениваться как воплощение Богини-матери-земли, связывался с возрождением природы, с культом солнца. Одновременно конь оставался символом добра и счастья. Как писала Л.А. Голубева, “образ коня был повсеместно связан с солнцем и богиней природы – матерью всего сущего. Отсюда охранительное значение изображений коня, часто совпадавших у многих народов. Конь был также символом благоденствия, счастья и плодородия” [1966, с. 80].

Территория распространения зооморфных гребней

Рассматриваемые зооморфные гребни найдены на северо-западе Восточной Европы (Старая Ладога, Псков, Вологодская обл.), в Волго-Окском междуречье (Ярославское Поволжье, Суздальское Ополе), но наиболее массово они представлены в Среднем Предуралье – на территории Пермского края и Удмуртии (рис. 6). Численное преобладание, присутствие на широком круге памятников, наличие всех имеющихся типов свидетельствуют о том, что именно Среднее Предуралье было родиной гребней данной группы. В Старую Ладогу они попали с финно-уграми, приезжавшими на ладожское торжище со своим товаром [Кирпичников, Сарабьянов, 2003, с. 58]. Кроме финно-угорских гребней в материалах памятника присутствуют западно-европейские, скандинавские, балтские и другие по этническому происхождению формы костяных изделий [Дубов, 1989, с. 72]. О.И. Давидан объясняет это тем, что Ладога с момента своего возникновения и до XI в. являлась важным пунктом на Балтийско-Волжском пути – главной торговой магистрали Восточной Европы, связывавшей страны Запада с арабским Востоком, – и была не просто перевалочным пунктом: здесь производилась торговля (обмен) товарами [1974, с. 14–15]. По мнению А.А. Спицина, сравнительное обилие пермских предметов в Приладожье позволяет предположить, что где-нибудь не очень далеко от последнего должно быть промежуточное историческое звено между Пермью и Ладожским озером [1895, с. 154]. И.В. Дубова таковым считает Волго-Окское междуречье, которое, согласно результатам археологических исследований, имело прямые и тесные связи с Прикамьем [1989, с. 80–81]. По мнению М.В. Фехнер, одним из факторов, способствовавших проникновению в Ярославское Поволжье иноземных изделий, является то, что здесь проходил отрезок Волжского пути [1963, с. 75]. Важным опорным пунктом на этом пути было и Сарское городище, где также найден зооморфный гребень [Дубов, 1989, с. 129, рис. 38]. Не удивительно присутствие таких изделий и еще на одном отрезке Волжского пути – в Марийском Поволжье. Таким образом, явно прослеживается распространение зооморфных гребней на запад по этому пути, по которому, как известно, вместе с болгарскими купцами передвигались и их торговые партнеры – “купцы Чулымские” – выходцы из Пермского Предуралья.

Есть и иная точка зрения на причину распространения прикамских гребней на запад. В.Н. Седых и

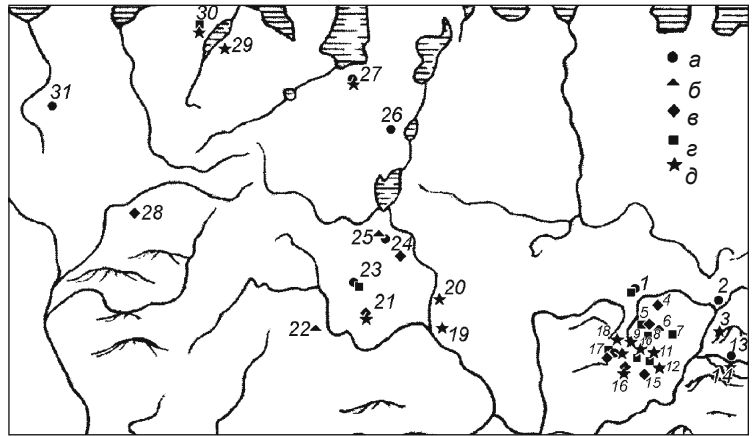

Рис. 6. Распространение зооморфных роговых гребней.

1 – Плесинский могильник; 2 – Редикарский могильник; 3 – Лаврята; 4 – Каневский могильник; 5 – Урынский могильник; 6 – Важгортский могильник; 7 – Рождественское городище; 8 – Кудымкар; 9 – Аверинский могильник; 10 – Полонский могильник; 11 – Варнинский могильник; 12 – Тольёнский могильник; 13 – Саломатовское городище; 14 – Лобач; 15 – Гурьякар; 16 – Восьякар; 17 – Иднакар, Мыдланьшай; 18 – Дондыкар; 19 – Дубовский могильник; 20 – Черемисское кладбище; 21 – Подболотьевский могильник; 22 – Дураковское поселение; 23 – Владимирские курганы; 24 – Сарское городище; 25 – Кустерь; 26 – Крутик; 27 – Старая Ладога; 28 – Луковцы; 29 – Псков; 30 – Тарту; 31 – Новогрудка.
а – подгруппа 1; б–д – подгруппа 2, типы: б – 1, в – 2, г – 3, д – 4.

В.В. Макарова, анализируя материалы Тимеревского археологического комплекса в Ярославском Поволжье, пришли к выводу, что в эпоху раннего средневековья происходили миграции групп населения Прикамья, их появление в родственной финской среде фиксируется не только в Ярославском Поволжье, но и в других районах Северной Руси [2001, с. 99].

Заключение

Вне всякого сомнения, родиной роговых зооморфных гребней с относительно реалистичными изображениями двух коней (или их голов) было Среднее Предуралье (Пермское и Удмуртское). Здесь на широком круге памятников представлены все выделенные типы подобных изделий; эти находки составляют подавляющее большинство всех имеющихся гребней данной группы. Парные изображения конских голов появились в Предуралье еще в раннем железном веке. Этот сюжет, многократно повторенный на поясных накладках, костяных копоушках, биконьковых подвесках, биметаллических кресалах, появился у народов Урала и Западной Сибири из иранской мифологии, которая в значительной степени повлияла на формирование их мировоззрения и мифологической системы. Особенности мировоззрения населения Среднего Предуралья обусловили наделение буквально всех предметов – украшений, бытовых вещей, орудий труда – свойствами амулетов. Вполне вероятно,

что именно высокая магическая значимость разнообразных вещей (в т.ч. и зооморфных гребней) способствовала их широкому распространению в среде родственных этносов.

Список литературы

- Армагынская О.В.** Орнамент резной кости чепецких городищ // *Материалы исследования городища Идна-Кар IX–XIII вв.* – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 84–97.
- Архипов Г.А.** Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1973. – 200 с.
- Архипов Г.А.** Дубовский могильник // *Археология и этнография Марийского края.* – Йошкар-Ола, 1984. – № 8: Новые памятники археологии Волго-Камья. – С. 113–159.
- Белецкий С.В.** Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные о проблеме происхождения города) // *КСИА.* – 1980. – № 160: Средневековые древности Восточной Европы. – С. 3–18.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.** Позднеломоватовские памятники в Коми-Пермяцком округе // *Вопр. археологии Урала.* – 1970. – Вып. 9: Памятники ломоватовской культуры. – С. 30–56.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.** Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. – 215 с.
- Голубева Л.А.** Коньковые подвески Верхнего Прикамья // *СА.* – 1966. – № 3 – С. 76–100.
- Голубева Л.А.** Символы солнца в украшениях финно-угров // *Древняя Русь и славяне.* – М.: Наука, 1978. – С. 68–75.
- Голубева Л.А.** Зооморфные украшения финно-угров. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1979. – 112 с. – (САИ; Вып. Е1-59).
- Давидан О.И.** Гребни Старой Ладogi // *АСГЭ.* – 1962. – № 4. – С. 95–108.
- Давидан О.И.** Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1974. – 28 с.
- Дубов И.В.** Великий Волжский путь. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. – 257 с.
- Иванов А.Г.** Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.
- Иванова М.Г.** Хозяйство северных удмуртов во второй половине IX – начале XIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1974. – 285 с.
- Иванова М.Г.** Городище Гурья-Кар // *Средневековые памятники бассейна р. Чепцы.* – Ижевск: НИИ при Совете министров УдАССР, 1982. – С. 3–26.
- Иванова М.Г.** Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
- Иванова М.Г., Куликов К.И.** Древнеудмуртская мифология и Ригведа // *Археология и этнография Марийского края.* – Йошкар-Ола, 2001. – № 25: Древности Поволжья и Прикамья. – С. 136–149.
- Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д.** Старая Ладoga: Древняя столица Руси. – СПб.: Славия, 2003. – 183 с.
- Кондратьева О.А.** Зооморфные гребни IX–X вв. // *КСИА.* – 1981. – № 166: Средневековые древности. – С. 103–109.
- Кондратьева О.А.** “Язык” гребня: К вопросу о семиотическом статусе вещи // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей.* – СПб.: ИИМК РАН, 1999. – С. 80–88.
- Косарев М.Ф.** Основы языческого миропонимания. – М., 2003. – 350 с.
- Крыласова Н.Б.** История прикамского костюма. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2001. – 260 с.
- Куликов К.И., Иванова М.Г.** Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 64 с.
- Лазарева С.В.** Истоки производства предметов из кости, кожи и дерева у финно-угров Поволжья // *Древности.* – М.; Казань, 2003. – С. 177–181.
- Ленц Г.Т.** Гребни городища Анюшкар // *Пути средневековых торговцев.* – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 58–77.
- Мифы народов мира.** – М.: Сов. энцикл., 1980. – Т. 1. – 672 с.
- Наговицин Л.А., Иванова М.Г.** Первобытнообщинный строй на территории Удмуртии // *Материалы по истории Удмуртии.* – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 4–48.
- Первухин Н.Г.** Опыт археологических исследований Глазовского уезда Вятской губернии. – М.: [Б.и.], 1896. – 190 с. – (Мат-лы по археологии восточных губерний России; Т. 2).
- Петренко В.П.** Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладogi // *Новое в археологии СССР и Финляндии.* – Л.: Наука, 1984. – С. 83–90.
- Седых В.Н., Макарова В.В.** Этнокультурные импульсы в Ярославское Поволжье в конце I тыс. н.э. по материалам из кости (предварительное сообщение) // *Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в первом тысячелетии христианской эры.* – СПб.: Староладож. ист.-архитектур. и археол. музей-заповедник, 2001. – С. 95–99.
- Семенов В.А.** Варнинский могильник // *Новый памятник поморской культуры.* – Ижевск: НИИ при Совете министров УдАССР, 1980. – С. 5–135.
- Семенов В.А.** Тольёнский могильник IX – начала X в. // *Новые исследования по древней истории Удмуртии.* – Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. – С. 25–58.
- Спицин А.А.** Приложения // *Бранденбург Н.Е.* Курганы южного Приладожья. – [Б. м.: Б. и.], 1895. – С. 150–170. – (Материалы по истории России; № 18).
- Старая Ладoga** – древняя столица Руси: Каталог выставки. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. – 190 с.
- Судаков В.В., Буланкин В.М.** К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // *Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга.* – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.
- Успенская А.В.** Нагрудные и поясные привески // *Тр. ГИМ.* – 1967. – Вып. 43: Очерки по истории русской деревни. – С. 88–132.
- Фехнер М.В.** Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников // *Ярославское Поволжье X–XI вв.* – М.: Наука, 1963. – С. 70–93.
- Финно-угры** и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 510 с.
- Tvaari A.** Muinasaj readus. – Tartu; Tallinn: Tartu Ulikool, 2001. – К. 10: Muinas-Tartu. – 372 lk.